

Григорий Яблонский

Был новый день войны

Юбилей под звуки сирен

Отмечали какой-никакой, но юбилей – полвека с момента рождения хоть не местного, но известного, не забытого даже из-за начатой врагами войны литературоведа и критика Аникина. Особых приглашений не было – сам Кропарев, а также Бабич и Омельчук под вой сирен нашей поднебесной обороны явились куда надо и в назначенный час, задолго до темноты комендантского.

Трамваем доехали, ногами дошли. Виновника события долго искали, но нашли! Открыли и откупорили принесенное. Всё как положено в наших авторских, а тем более критических междусобоях. Складчина, магазин, тяжесть в руках – самый молодой доносит, помучится, остальное как получится.

Приподнимаясь для первого тоста, лидер компании Кропарев начал свою выношенную речь о той особой роли, которую наш дорогой Аникин сыграл не только в развитии, но и в самой жизни здешней писательской организации. При этом сам тостующий таки сумел показать свой явно глубокий дух и слегка расслабиться усталой позой, когда остаканился первой полной дозой и стал закусывать с народом своим весомым бутербродом.

– А вот чего мне хочется ос-собо подчеркнуть, – насыщался Кропарев, вновь обретая свой известный в здешних творческих кругах «выступальный» дар, – так это пр-рыстальное внимание еще начинавшего крытика Аникина к твореньям своих старших товаришей. Напомню первую же его крры-тичную заметку – и на кого-чего?! На мой самый крупный тогда роман «Радужный горизонты». Ну и как он на него отры-агировал – как?! Своим подколом: «И где тут спектр в романе сером, голом?». Как вспомнишь, так и вздрогнешь!..

И вот тут, когда хотели вздрогнуть по второй, донесся вдруг сирены вой!.. Да такой, что замерли между собой, ожидая с недопитыми стаканами отбой. И только опытный закусывать и допивать здешний лидер не позволил долго ждать:

– Свое н-новое лит-полотно... – вспомнил он, – я ж творил уже как голова нашего... п-пэнь-клуба! Но и такой крычащий факт не помешал нашему еще з-зеленому литератур-вэду и критику отозваться на мой глубоко идейный заголовок романа «Мы все ходили тут под красным кумачом» со своей пэрэ... строечной рыфмой: «И теперь вам, значит, сырость нипочем?». Ну да... Извиняюсь, не сырость, а серость, вот так ее и выдал наш Аникин с едучим знаком вопроса в прэссе выше нашего пень-клубовского спроса!..

Чтобы как-то разбавить биографию этого Аникина его короткой судьбой, решили сразу наливать под третий тост – и тревоги отбой.

– Ну а как с твоей поэм-кой, Фили-мон Про-хорыч, – прожевал Кропарев Бабичу, – чего с твоими «Районными бабами» сотворил наш Аникин? От одной фразочки той его ры-зензии затрясет: «Простят ли наши женщины такую литпакость?».

Бабич затрясся и пролил мимо своего стакана.

– З-зачем же вы так?! – позволил себе обратиться уже к самому виновнику Кропарев. – Зачем вместо того, чтоб нежно пес-товать и щедро ли-леять рядом творящих, как это делали все наши совковыи литведы, чего вы, Аникин, на нас накликали беды, обзывая наши творенья «партийной пеной» и другими епититами, не говоря уже про эти ваши, как их... мета-хворы! Не можете ответить, а?!

Юбиляр не отвечал. Бабич кое-как разлил оставшуюся водку. Уже не шла, но кое-как залили.

– А тогда ж!.. – не обращая уже внимания на остатки закуси побагровел Кропарев, – вы ж, откуда-то взявшийся в нашей местности критик Ани-кин, продолж-жали запускать свои кры-тичский стрэлы и даже ставить вопросы о наших тираж-жах, «как партийную бездарщину на порченных дрожжах» – мол, не продается такое-сякое книжное! И это ж – про нас, про уже впис-санных тогда в литфонд писателей!.. Про признанных в нашей области мэтров пера!.. Так чего у нас теперь война – из-за чего она?! Чё молчите, Ани-кин?!

Юбиляр молчал. Бабич дрожащей рукой разбрызгал последние капли из оч-чень большой водочной бутылки. Вокруг да около.

– То-то же!.. – с трудом поднялся на ноги Кропारेv и выдал собственный «ахворизм»: – Какой ты нам бальзам, такой мы тебе и фе-миам!..

– Н-надо бы убрать тут... – еще раз вздрогнул Бабич.

– Его уб-билей – пусть и убирает. Пошли отсюда!..

– А к-куда идти?.. – проговорил, озираясь, автор первого самоизданного сборничка Омельчук.

Густые сумерки опускались с неба, становясь комендантской темнотищей на кладбище. И только вновь заботливо завывшая сирена напомнила, где выход.

